

ВЛАДИМИР ШАРОВ

ВЛАДИМИР ШАРОВ

ЦАРСТВО

А Г В

З Е М

Н О Т

РОМАН

А

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш26

Художник Андрей Бондаренко

В оформлении переплета использован фрагмент фрески Джованни да Модена “Ад, где в числе прочих мучается Мухаммед” (1410)

Шаров, Владимир Александрович.

Ш26 Царство Агамемнона : роман / Владимир Шаров. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2018. — 669, [3] с. — (Большая проза).

ISBN 978-5-17-109454-6

Владимир Шаров — писатель и историк, автор культовых романов “Репетиции”, “До и во время”, “Старая девочка”, “Будьте как дети”, “Возвращение в Египет”. Лауреат премий “Русский Букер” и “Большая книга”.

Действие романа “Царство Агамемнона” происходит не в античности — повествование охватывает XX век и доходит до наших дней, — но во многом оно слепок классической трагедии, а главные персонажи чувствуют себя героями древнегреческого мифа. Герой-рассказчик Глеб занимается подготовкой к изданию сочинений Николая Жестовского — философ и монах, он провел много лет в лагерях и описал свою жизнь в рукописи, сгинувшей на Лубянке. Глеб получает доступ к архивам НКВД-КГБ и одновременно возможность многочасовых бесед с его дочерью. Судьба Жестовского и история его семьи становится основой повествования...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109454-6

- © Шаров В.А.
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление
- © ООО “Издательство АСТ”

Памяти мамы

Начну с финала, который превратил эту историю в фарс. Я бы даже сказал, в постыдный фарс. Последнее мне особенно обидно теперь, когда страх отступил. Сейчас я всё чаще думаю, что то, к чему был причастен, чем занимался много лет, заслуживало другого. Впрочем, кто знает.

В прошлом, 2015 году — я только что вернулся из экспедиции — приятель, решив, что мне будет любопытно, по электронной почте переслал большую статью из английского “Эсквайра”. Речь в ней шла о нашем разведчике, проработавшем в Аргентине с 1968-го по 1990 год. Но дело вскрылось буквально вчера, так что материал был с пылу с жару. Причем вскрылось случайно. Когда вышли наружу все обстоятельства, начался огромный скандал. Он еще долго не уляжется, чересчур влиятельные люди оказались замешаны в это дерьмо. Вот суть напечатанного в “Эсквайре”.

Внук великого князя Михаила Романова Евгений — возможно, бастард — законных детей у князя Михаила не было, однако куда вероятнее, обыкновенный самозванец — в 1967 году бежит из советской Венгрии в Австрию. Промаявшись несколько месяцев в Европе, он без особых проблем получает политическое убежище, а с ним и вид на жительство в Аргентине. Дальше наш Евгений быстро и с необыкновенной легкостью становится завсегдаем самых модных са-

лонов Буэнос-Айреса и членом закрытых клубов. В общем, за два-три года делается своим в высшем свете аргентинской столицы. Это только начало.

К середине семидесятых Романов уже сам вовсю дает балы, спонсирует постановки в Национальной опере и возит из Франции импрессионистов. Его имя не сходит со страниц газет, а тут вдруг “Эсквайр” почтенной публике объявляет, что он никакой не Романов — самый заурядный чекист. Впрочем, ясное дело, удачливый. Двадцать лет с гаком этот приبلудный Романов руководил советской резидентурой в Латинской Америке — то есть от границ Мексики с Соединенными Штатами на севере до Огненной земли на юге. Был тем человеком, благодаря которому в Кремле и в Гаване знали, что происходит во дворцах здешних правителей. Как он сумел себя так поставить, прослеживалось в “Эсквайре” шаг за шагом, и всё равно чисто остапбендеровская грация, изящество, с каким он принимал то, что ему подносилось на блюдецке, лично меня привели в восторг.

Итак, австро-венгерская граница. Впрочем, и с Венгрией большой вопрос, но мы его пока обойдем. Дальше — Европа, где что, как и когда — полный мрак. Такое ощущение, что в Германии и Франции он звено за звеном проверял, прозванивал свою “легенду”, заодно практиковался в языках, оттачивал произношение. Вообще способности у него были редкие, а музыкальный слух настоящего пересемешника: он не врал не только в грамматике, но и в звучании речи.

Почувствовав себя уверенно — дело было в Мадриде, — наш чекист обратился в Аргентинское посольство. В Буэнос-Айресе поначалу у него были проблемы. Никакой постоянной работы — да он ее и не искал, всё время проводя в танцклассах, где, как прежде языки, до самозабвения шлифовал па разных

направлений и школ танго. От природы очень пластичный, это, как многое другое, наш герой осваивал легко. Тогда он еще не был Евгением Романовым. На собеседовании в посольстве он выдал себя за солдата Ференца Надя, по происхождению полунемца-полувенгра, родом из города Тимишоара в Трансильвании. И объяснил, что перешел австрийскую границу, спасаясь от большевиков. С венгерским у него были трудности, немецкий, наоборот, отличный.

Кстати, “Эсквайр” предположил, и это кажется разумным, что “венгерский солдат” — его, так сказать, “родовая легенда”. Романовым же он стал на свой страх и риск. Более того, на великокняжеское происхождение было наложено вето, на Лубянке рассудили, что громкая фамилия лишь привлечет внимание к нему самому и к тем, кто будет с ним связан. Что, понятно, никому не нужно. Но Надя настоял на своем. Строптивых не любят, и Москва поначалу встала в позу, отлучила ослушника от груди. Отсюда танцклассы и почти год жизни простым жиголо. Кстати, танцевал он обычно в костюме, очень напоминающем мундир конногвардейского полка. Впрочем, едва выяснилось, что аргентинские барышни в новом великокняжеском обличье его с рук не спускают, Центр решил дать шанс и Романову. Жалеть не пришлось. Русоволосый красавец с зелеными глазами, в которых, как писал “Эсквайр”, женщины тонули, будто в омуте, к тому же настоящий атлет — фигура и мускулы борца-классика, — он считался неотразимым. Так оно, по-видимому, и было.

Еще в бытность жиголо, Романов, беря с каждой клятву, рассказывал своим подругам, что, хотя документы у него на имя Ференца Надя, на самом деле он никакой не венгр и никакой не Надя, а прямой наследник российской императорской короны. Когда

последний русский царь Николай II увидел, что началась революция и власти ему не удержать, он передал престол своему брату, великому князю Михаилу Романову, родному деду нашего Евгения.

В 1918 году — в России уже всюду шла Гражданская война — Михаила Романова выслали в уральский город Пермь на реку Каму, где он, предчувствуя скорую гибель, развелся с женой, княгиней Брасовой, через месяц тайно обвенчался с фрейлиной своего двора, другой княжной, Лидией Мещерской-Беспаловой, которую давно любил. Жили они вместе недолго. Но когда в том же восемнадцатом году большевики, видя, что народ всё тверже берет сторону великого князя Михаила, единственного, кто был способен прекратить братоубийственную войну, вывезли его в лес и расстреляли, Лидия уже носила под сердцем наследника российского престола. Царственный младенец появился на свет божий в небольшом городке Чистополе — от Перми, если плыть по Каме, пара дней пути — и был окрещен в местной церкви под именем Александр. Впрочем, в метрике, чтобы вслед за отцом не убили и сына, мать записала Александра не Романовым, а Мещерским.

Дальше вся юность князя Мещерского прошла в голоде, холоде и крайней нужде. Лидия и он, спасая свои жизни, будто неприкаянные, скитались по стране, бегали из города в город, из деревни в деревню. К счастью, везде находились добрые люди, готовые их спрятать, накормить и согреть. Великий князь Михаил был так любим народом, что многие, хоть и знали, что это грозит им долгим тюремным сроком, давали его вдове и молодому князю кров над головой и деньги, чтобы добраться туда, куда они шли.

Удача изменила Александру Мещерскому только в сорок первом году. Судьба настигла его на восточ-

ной окраине Великой Казахской степи, в небольшом городке Усть-Каменогорске, в который они приехали двумя днями раньше. Утром на улице князя (он был без матери) остановил патруль, двое милиционеров. Они не стали разбираться, кто он на самом деле, просто отвели Мещерского в здание — в Советской России оно называлось военкоматом, — откуда солдат-новобранцев отправляли проходить действительную службу. В тот же день — солнце еще не зашло — их, почти сотню человек, на местной железнодорожной станции затолкали в эшелон, который шел на запад, в направлении новой советско-германской границы. После недавнего раздела Польши на ней пока не было ни войск, ни укреплений. Обычный сельский пейзаж, который даже не ведал, что где-то в Москве и Берлине простой карандашной линией его только что разрезали на нашу сторону и германскую. Там же, на станции, Александр, к счастью, успел бросить в почтовый ящик открытку для матери. Эта почтовая карточка стала для нее последней весточкой от сына. Больше она никогда ничего о нем не слышала. Так и сошла в могилу в 1959 году, не зная, жив он или нет.

Уже в эшелоне Мещерский узнал, что конечный пункт их назначения — учебная военная база недалеко от города Рахова, что в Закарпатской Украине. Там они должны будут пройти начальную военную подготовку, официально она именуется “курс молодого бойца”. Вещь как будто нужная, даже необходимая, но в итоге всё свелось к бесполезной и нескончаемой муштре.

За два месяца Мещерского и других солдат не то что не выучили стрелять, они даже ни разу не держали в руках настоящей винтовки. Зато вдоволь было выделанных из березовых поленьев муляжей, с которыми рота по 12 часов в день оттачивала строевые ар-

тикулы. Под командованием совершенного зверя, старшины-сверхсрочника, разучивала разные виды равнений и построений, на плацу браво печатала шаг, отдавала честь и выгибала грудь колесом.

Там же, на плацу, впрямя как гром с ясного неба их застала война. Прилетела эскадрилья немецких штурмовиков и пара бомбардировщиков; в один заход они сбросили на базу десяток фугасных бомб и несколько зажигательных; этого было достаточно, чтобы началась паника. Ее и не пытались унять. Тушить горевшие казармы, ангары, склад с боеприпасами тоже никто не стал. А еще через три дня, когда немцы подогнали к базе три танка и два взвода пехоты на мотоциклах, солдаты, которым так и не раздали ни настоящих ружей, ни патронов, вместе со своими командирами подняли руки вверх и строем пошли сдаваться.

Дальше был лагерь для военнопленных. О том, как там сложилась жизнь его отца, Евгений Романов рассказывал очень подробно. Гнать пленных никуда не стали, под лагерь приспособили ту же военную базу, на которой еще вчера Александра Мещерского и его товарищей учили маршировать. Позже, когда линия фронта приблизилась, лагерь, а с ним и его насельников — к тому времени почти десять тысяч человек — переместили на запад, за Балатон. Небольшую заболоченную низину обнесли колючей проволокой, поставили вышки для часовых, а вокруг плаца, где перед работой происходил развод, сами пленные, сведя их в каре, выстроили пять десятков бараков. Неподалеку было порядочное месторождение железной руды, рядом металлургический заводик, и места отправленных на фронт венгерских рабочих заняли военнопленные.

Жизнь была тяжелая, работать приходилось много, а кормили впроголодь, хотя, конечно, сравнивать их лагерь с немецкими же лагерями смерти невозможно.

В итоге что такое настоящий голод, князь Мещерский в лагере не узнал. Под Раховом начальником у них был пожилой офицер-шваб по имени Грюнне. Он воевал еще на предыдущей войне, а до того работал приказчиком в одной из петербургских ювелирных лавок.

Сразу распознав в Мещерском породу и выяснив, что немецкий у князя тоже хорош, он сделал Александра своей правой рукой. Когда же узнал его историю, стал и вовсе относиться как к сыну. В разговорах за рюмкой водки, хорошо зная русских, уважая их, Грюнне много сокрушался недалекновидностью берлинских политиков. Говорил, что если бы Германия захотела привлечь к себе те миллионы солдат, что попали в плен в первые два года войны, большевики давно бы капитулировали.

Гитлеру следовало восстановить монархию: “Что было бы плохого для Германии, если бы он посадил на русский трон, например, тебя, дорогой Александр? — говорил Грюнне. — Если бы уничтожил колхозы и вернул крестьянам землю?”

Он, Грюнне, готов дать руку на отсечение, что Германия обрела бы тогда в России самого близкого друга и преданного союзника. А против такой силы проклятым англосаксам не устоять. Но Гитлер оказался близорук, и это погубит Германию. Грюнне относился к Александру Мещерскому с полным доверием и в нарушение всех правил выписал ему пропуск, который давал право в любое время и без каких-либо препятствий покидать лагерь и возвращаться обратно.

Положение Мещерского не ухудшилось и в Балатонском лагере, где тоже было много русских военнопленных. Начальником здесь служил некий Велш — старый приятель Грюнне и тоже шваб, но из другого маленького городка в Шварцвальде. Грюнне дал своему

протезе такую рекомендацию, что и на новом месте Мещерский, сделавшись личным переводчиком Велша, имел полную свободу.

Это спасло ему жизнь в апреле сорок пятого года, когда советские войска уже подходили к их лагерю. С помощью того же Велша в венгерской военной комендатуре Мещерскому оформили документы на имя Дьердя Надя и помогли бежать в Австрию, в будущую американскую зону. Уже было известно, что американцы венгров не выдают.

Здесь же, в Австрии, он вскоре женился на девушке, которую за три года до того, пятнадцатилетней, угнали на работы в рейх. Сменив несколько ферм, она в итоге тоже оказалась в Австрии. Звали ее Катя Максакова. Она была из хорошей дворянской фамилии, милая, добрая, красивая, и Мещерский влюбился в нее без памяти. Двумя месяцами позднее он как Надь обвенчался с ней в русской православной церкви города Граца.

В лагере на сигаретах и письмах Мещерский зарабатывал неплохие деньги, на них там же, в Граце, молодожены сняли уютную квартиру с видом на горы и целый год прожили вполне безмятежно. Единственное, что огорчало Катю, — ее руки. Три года она была скотницей на ферме, с утра до ночи убирала из хлева навоз, ухаживала за коровами, мыла, задавала им корм, доила, и ей казалось, что этой черной работой руки ее навсегда загублены. Впрочем, ванночки с настоем из альпийских трав в конце концов выгладили кожу и сняли воспаление суставов; пальчики снова стали тонкими, изящными, будто она никогда не делала ими ничего другого, кроме как играла на клавикордах. Все же память о том, что им пришлось пережить, осталась. Стоило зимой выпасть первому снегу, руки мерзли даже в меховой муфте.

Пока они жили в Граце и были деньги, Мещерский колебался, не мог решить, что им делать дальше: пытаться остаться в Австрии или попробовать перебраться в Америку. Он спрашивал и Катю, но той было всё равно, она лишь повторяла, что рядом с Александром ей везде хорошо и разницы нет. В конце концов выбор пал на Аргентину, но за то время, что они раздумывали, визы, билеты и остальное, что было необходимо, чтобы добраться до Буэнос-Айреса, сильно вздорожало, и оказалось, что денег не хватает.

Балатонский лагерь оставил Мещерскому хорошие связи, и, пытаясь заработать, он вместе с Катей стал возить через границу американские доллары, на которые в Венгрии был хороший спрос. Несколько раз сходило гладко, но однажды венгерские таможенники их задержали, и, если бы Мещерский не откупился, история закончилась бы тюрьмой и немалым сроком. А так у Дьердя Надя с супругой просто отобрали австрийские документы, сказали, что раз они венгры, то и жить им следует в Венгрии. После чего велели убираться. Оттого он, Евгений Романов, по легенде, и родился уже в Венгерской народной республике, в городе Секешвароше. Произошло это в 1946 году.

Но вернемся в Буэнос-Айрес. Рядовым жиголо Евгений Романов пробыл неполный год, а затем его взяла на содержание по-прежнему очень красивая, хотя и начавшая увядать вдова богатого местного предпринимателя, некая Валерия ла Томба. Она любила объяснять подругам, что Романов до того пришелся ей по вкусу, что свою жизнь без него она теперь и представить не может. Список достоинств был бес-